

Акстиния А

Брокер невозможного: Торг уместен, или Как я спасал Ночной рынок

Акстиния А

**Брокер невозможного:
Торг уместен, или Как
я спасал Ночной рынок**

«Автор»

2026

А А.

Брокер невозможного: Торг уместен, или Как я спасал Ночной рынок / А. А — «Автор», 2026

Лондон, пропитанный смогом и магией. За его переулками скрывается Ночной рынок, где торгуют не только вещами, но и воспоминаниями, эмоциями и невозможным. Я, Джулиан Эшфорд, профессиональный «находчик» и чемпион по избеганию обязательств, думал, что знаю о рынке всё. Или так казалось. Когда базар начинает «выцветать», превращаясь в серый промышленный кошмар, а мой параноидальный друг-механик Тоби попадает в беду, бездействие — не вариант. Виновник — таинственный артефакт «Кулак Черной Вдовы», выкачивающий саму суть магии. В компании остроумной ведьмы Корделии, видящей меня насквозь, и эксцентричного путешественника Алистера, мне предстоит разгадать тайну, пережить магические перепалки и сделать невозможное. Ведь чтобы спасти рынок, придется снять маску циника и рискнуть собственным сердцем. Добро пожаловать. Торговля открыта.

Содержание

Пролог: Запах пряностей и зловещий свет	5
Глава 1. Стеклоянная мечта и искусство торгоа	6
Глава 2. Шестеренки и паранойя	8
Глава 3. Лавка «Утраченные вкусы»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Акстиния А

Брокер невозможного: Торг уместен, или Как я спасал Ночной рынок

Пролог: Запах пряностей и зловещий свет

Если бы у Лондона был настоящий запах, это был бы не сырой туман и не едкая угольная гарь. Нет, здесь, в извилистых переулках, куда не заглядывает даже самый наглый фонарный столб, воздух был настолько густым, что его можно было намазать на тост и запить стаканом чистого, неразбавленного безумия. Он пах корицей, жареным мясом, дымом и тем самым легким, электрическим ароматом надвигающихся неприятностей, который я научился распознавать лучше, чем запах собственных дорогих духов.

Разноцветные фонарики каскадом стекали по кривым улочкам, окрашивая мир в зловеще-красные тона и щедро сдабривая каждый уголок этим сомнительным, но чертовски фотогеничным сиянием. Добро пожаловать на Ночной рынок. Место, где продают не только товары, но и эмоции, воспоминания и то, что здравый смысл категорически запрещает даже трогать.

Я наблюдал за сценой из тени, лениво поправляя манжеты своего безупречно скроенного, но, как всегда, слегка помятого сюртука. Мой профессиональный конек – находить потерянные вещи и неприятности, и прямо сейчас моя интуиция визжала так же пронзительно, как механическая сова моего лучшего друга, учуявшая неладное.

К одной из полузаброшенных лавок медленно приближался Путник. Его шаги были тяжелыми, а взгляд – пустым, как карман студента в конце семестра. За прилавком его уже ждал молодой торговец. Кассиан. Его улыбка была надежно спрятана за изящной, пугающе неподвижной маской, но в голосе звенела холодная, отполированная сталь.

– Это Кулак Черной Вдовы, – произнес он, и даже сквозь ткань перчатки я почувствовал, как артефакт на прилавке болезненно, ритмично пульсирует. – Он призывает стихии и весьма убедительно беседует с предателями.

Путник кивнул, даже не моргнув. Золотые монеты звякнули о дерево с обманчивой, почти музыкальной легкостью. Сделка была совершена. Классика жанра.

Но я-то знал, что на Ночном рынке звонкое золото – это всего лишь чаевые. Настоящая цена этой сделки была куда выше, и счет за нее предъявят не сегодня и не завтра, а тогда, когда защитные механизмы души дадут сбой. Рынок, эта прожорливая, мерцающая глотка, только что проглотил еще одну опасную сделку, даже не поперхнувшись.

Я усмехнулся, поправил цилиндр и шагнул в сторону, растворяясь в дымке. Приключения сами себя не найдут, а мой желудок уже настойчиво требовал пирожка с начинкой из джентльменской удали. Или, на худой конец, эля, от которого начинаешь рифмовать, как лорд Байрон, но с меньшим пафосом и большей пользой для пищеварения.

В конце концов, кто я такой, чтобы отказывать судьбе в небольшом, хорошо поставленном спектакле?

Глава 1. Стеклянная мечта и искусство торга

Моя личная философия уместается в четырех словах, выгравированных на внутренней крышке моих любимых карманных часов: *продать, купить, найти, потерять*. Именно в таком порядке, хотя на Ночном рынке эти понятия имеют свойство меняться местами с пугающей, но чертовски занимательной регулярностью.

Я бродил по сектору «Хрупкие иллюзии», наслаждаясь тем, как мои сапоги из мягкой телячьей кожи бесшумно ступают по брусчатке, все еще влажной от ночной росы и пролитого имбирного эля. Воздух здесь был особенным: он не просто пах озоном, старой бумагой и жареным миндалем, он *вкусил* статическим электричеством и забытыми обещаниями. Лавки в этом секторе были сколочены из искривленного красного дерева, потускневшей латуни и чистой отчаянной надежды. Пылинки в лучах фонарей кружились, как крошечные алмазы, а тени здесь имели дурную привычку открепляться от своих владельцев и самостоятельно изучать витрины.

Я поправил манжеты своего полночно-синего сюртука. Он был сшит портным, который брал плату за каждый слог в своем имени, и потому сидел безупречно, если не считать одной подозрительно артистичной складки на левом локве. Мой шелковый галстук был повязан с той самой степенью расчетливой небрежности, которая без слов кричала прохожим: «Я проснулся именно таким, и да, я чертовски хорош».

И тут я увидел её.

Она стояла на задворках лавки, уютно устроившись среди унылой груды медных подсвечников, выглядевших так, будто они пережили чих дракона, и треснутого зеркала, в котором отражались только самые неловкие моменты вашего детства. Стеклянная фигурка. И это было не просто стекло. Это было нечто, от чего мой пульс решил отыграть внезапное, совершенно неаристократическое соло на литаврах.

Она была невероятно прозрачной, словно выдутой из самого чистого, застывшего лунного света. Форма напоминала то ли колибри в полете, то ли осколок чьего-то несбывшегося, но такого яркого желания. Под лучом фонаря она не просто блестела – она поглощала свет, переваривала его и излучала обратно с едва уловимой, ритмичной вибрацией.

– Красивая безделушка, – раздался скрипучий голос, безжалостно прервавший мое созерцание. Звучал он так, будто два куска наждачной бумаги яростно спорили из-за чашки чая.

Из-за прилавка выплыл Гримбл. Гоблин он был старый, жилистый, с кожей цвета и фактуры хорошо помятого, пролитого чаем манускрипта. На нем красовался бархатный жилет цвета бургунди, вышедший из моды еще при королеве Анне и с тех пор агрессивно выцветавший. Его нос, напоминающий ржавый мясной крюк, нервно подергивался, улавливая мой интерес, а уши дергались с нервной энергией кролика, который только что открыл для себя концепцию сложных процентов.

– Безделушка? – Я изобразил на лице легкую, снисходительную скуку, виртуозно приподняв бровь так высоко, что она почти коснулась полей моего цилиндра. – Скорее, изящный пресс-папье для тех, кто пишет письма несуществующим возлюбленным. И, судя по количеству пузырьков внутри, делали это в состоянии легкого алкогольного опьянения. К тому же, если на неё чихнуть, она, вероятно, разлетится на осколки, которые потом будут резать мне подошвы сапог.

Гримбл фыркнул, и его маленькие, как бусинки, глаза сузились до опасных щелочек. Он театрально прижал короткие лапки к груди, изображая глубокое душевное ранение.

– Это слеза лунной девы, застывшая в момент высшего экстаза! – возмутился он, и его желтоватые зубы сверкнули в полумраке. – Она притягивает удачу, очищает ауру и, по досто-

верным слухам, отпугивает налоговых инспекторов! Пятьдесят золотых. И это только из-за того, что ты мне нравишься, Эшфорд. Твой сюртук пахнет дорогим табаком и безнадежностью, а это редкость.

– Пятьдесят золотых за стекло, которое, скорее всего, превратится в обычную пробку от бутылки к следующему полнолунию? – Я мягко рассмеялся, делая шаг назад, словно собираясь уйти. – Мой дорогой Гримбл, я ценю твою щедрость, но моя аура и так безупречна, а от налоговых я прячусь за обаянием. Оно, к счастью, бесплатно и не требует перезарядки.

Я развернулся, отсчитывая про себя: *три, два, один...*

– Ладно, ладно! – прошипел гoblin, хватая меня за рукав сюртука с силой, совершенно несоизмеримой его габаритам. – Тридцать. И я добавлю щепотку сушеного корня мандрагоры. От него, правда, немного звенит в ушах и иногда хочется обнять фонарный столб, но зато сны становятся цветными!

Я остановился и медленно повернулся, изображая глубокую внутреннюю борьбу, достойную шекспировского трагика. На самом деле я уже мысленно потирал руки. Торговаться с гоблином – это всё равно что пытаться убедить кошку в преимуществах вегетарианства: абсолютно бесполезно, но чертовски занимательно, если у вас есть время и запас сардин.

– Десять золотых, – произнес я тихо, но с железной, неоспоримой уверенностью, глядя ему прямо в его бегающие зрачки. – И я забираю эту «лунную соплю» прямо сейчас, избавляя тебя от необходимости пылить ею прилавок до скончания веков.

Гримбл зашипел, как проколотый паровой котел. Его пальцы судорожно сжались, но он знал правила этой древней, как мир, игры. Я не моргнул. Мы стояли так несколько секунд, ведя безмолвный поединок взглядов, в котором я был абсолютным, непобедимым чемпионом.

– Двадцать, – сдался он, с отвращением швыряя фигурку на бархатную подушечку. – И ни пенни меньше. Забирай и проваливай, пока я не передумал и не проклял твои шелковые носки так, что они будут вечно сползать на пятку.

– По рукам, – я щедро отсыпал монеты на прилавок, стараясь, чтобы они звякнули максимально аппетитно и убедительно.

Я бережно взял фигурку. На ощупь она была не холодной, как обычное стекло, а слегка теплой, с едва уловимым биением, похожим на работу крошечного, идеально заведенного механизма. Я аккуратно спрятал находку во внутренний карман, прямо над собственным, чуть более учащенным сердцем.

Искусство торга – это не про деньги. Это про то, чтобы заставить другого поверить, что он выиграл, пока ты уносишь настоящий приз. И сегодня, прогуливаясь прочь под мерцание разноцветных фонарей, я чувствовал себя королем этого хаотичного, безумного мира.

По крайней мере, до тех пор, пока мне не придется объяснять эту покупку Тоби. А вот это, как говорится, уже совсем другая история.

Глава 2. Шестеренки и паранойя

Мастерская Тобиаса Когсворта располагалась в том самом переулке Ист-Энда, где евклидова геометрия впадала в тяжелую депрессию, пила дешевый джин и категорически отказывалась иметь дело с прямыми углами. Чтобы попасть к его двери, нужно было сделать три шага вперед, один назад, подмигнуть водосточной трубе и искренне поверить в то, что кирпичная стена — это всего лишь временное недоразумение.

Стоило мне переступить порог, как мои рецепторы тут же отправились в увлекательное, но опасное путешествие. Воздух здесь был густым и слоистым, как хороший стимпанк-роман, написанный инженером на грани нервного срыва. Он пах машинным маслом, озоном, жженым сахаром и тем специфическим, слегка горьковатым ароматом латуни, которая устала крутиться и требует профсоюзных выходных.

— Тоби! — крикнул я, ловко уворачиваясь от подвешенного к потолку маятника, который с угрожающим свистом рассекал воздух. — Я принес тебе загадку и свою неподражаемую компанию!

Из-под верстака, заваленного деталями, похожими на внутренности механического дракона, раздался глухой стук, за которым последовал потоком отборных ругательств, от которых бы покраснел даже портовый грузчик. На свет божий вынырнул Тобиас.

Мой лучший друг выглядел так, будто только что пытался починить карманные часы с помощью молотка и экзистенциального кризиса. Его твидовый жилет помнил еще времена, когда паровые двигатели считались модной новинкой, а на левой щеке красовалось свежее пятно машинного масла, придававшее ему вид сурового шахтера-интеллектуала. На лбу были сдвинуты латунные очки-гогглы с линзами разного диаметра, из-за чего он напоминал очень умного, но слегка безумного кузнечика.

На верстаке, среди россыпи шестеренок, похожих на золотые монеты для муравьев, сидела механическая сова. Ее перья были сделаны из тончайших медных пластин, а рубиновые глаза вращались с жужжанием, от которого ныли зубы. Увидев меня, сова повернула голову на сто восемьдесят градусов, уставилась на мой безупречный галстук и каркнула: — *Σκατά!*

Я остановился, элегантно приподняв бровь. — Тоби, я, конечно, ценю твои попытки прибить мне классическое образование, но твоя птица только что обозвала мои манеры на древнегреческом? И, кажется, упомянула мою родословную в контексте навоза?

— Она должна предсказывать погоду, — буркнул Тоби, вытирая руки о тряпку, которая была объективно грязнее самих рук. — Но вчера в нее попала искра от эфирного конденсатора. Теперь она страдает синдромом Туретта на мертвом языке и комментирует мою личную жизнь. Сейчас она сказала, что твоя аура выглядит как дешевая подделка, а завтра в Камдене будет дождь из лягушек. Игнорируй её. Садись. Хочешь кофе? Он на вкус как сожаление и пережаренный цикорий, но бодрит так, что ты начнешь слышать мысли комнатных растений.

— Благодарю, я предпочту сохранить рассудок, — я грациозно опустился на единственный стул, с которого предварительно смел горсть медных заклепок. — И я пришел не за лекцией по ботанике, а за экспертизой.

Тоби тут же скрестил руки на груди, и его взгляд скользнул по моему полночно-синему сюртуку. В его глазах зажегся знакомый огонь параноидального осуждения.

— Джул, — произнес он тоном человека, которому предстоит объяснять ребенку, почему нельзя засовывать гвозди в розетку. — Я вижу, ты снова потратил гонорар за найденного графского пуделя на этот... этот преступно синий бархат. Ты хоть понимаешь, что демоны из Седьмого круга просто обожают такой оттенок? Для них это как красная тряпка, только сделанная из чистого, неразбавленного снобизма! Ты должен перестать тратить деньги на шелковые под-

кладки и начать бояться демонов в цилиндрах! Они ходят среди нас, Джул! Они носят трости с набалдашниками из слоновой кости и питаются чужим высокомерием!

— Тоби, мой дорогой, — я улыбнулся своей самой обезоруживающей улыбкой, от которой, по статистике, таяли даже ледяные элементали. — Демоны предпочитают темно-бордовый. А синий говорит им, что я слишком дорог для их бюджета. К тому же, если я умру, то исключительно от передозировки собственным обаянием, а не от клыков демона-модника. Но давай оставим мою смертность на потом. Взгляни на это.

Я достал из внутреннего кармана стеклянную фигурку и положил ее на резиновый коврик, усеянный ожогами от паяльника.

В мастерской мгновенно стихло. Замолчали тикающие часы. Перестал шипеть паровой клапан. Даже сова замолкла на полуслове, издала тихий, почти уважительный звук, похожий на скрип несмазанной двери, и втянула голову в плечи.

Тоби замер. Его пальцы, обычно пляшущие над деталями со скоростью печатной машинки, зависли в воздухе. Он медленно, почти благоговейно сдвинул гогглы на глаза.

— Где ты это взял? — прошептал он, и в его голосе впервые за вечер не было ни грамма сарказма. Только чистый, дистиллированный ужас, густо замешанный на восторге.

— Купил у Гримбла в секторе «Хрупкие иллюзии». Сторговал до двадцати золотых. Он клялся, что это слеза лунной девы, застывшая в момент экстаза.

— Гримбл — идиот, который не отличит лунную деву от бронированного гнома с похмелья, — Тоби осторожно, словно сапер, обезвреживающий бомбу, коснулся стекла кончиком серебряного пинцета. — Это не слеза, Джул.

Он достал из ящика стола странный инструмент — камертон из черного металла. Ударил им о край стола. Камертон запел не слышимой ухом, но ощутимой костями вибрацией. Фигурка отозвалась. Она не просто завибрировала — она *вдохнула* звук, и внутри стекла закружилась крошечная, серебристая спираль, пульсирующая в такт моему собственному сердцу.

— Это инкубатор, — выдохнул Тоби, отшатываясь. — И, судя по температуре стекла и резонансу... то, что внутри, уже начинает просыпаться. И оно голодное.

Я посмотрел на безобидную, казалось бы, стекляшку, потом на Тоби, который уже начал судорожно рыться в шкафу, швыряя через плечо анти-магические щипцы и банки с солью. Мой пульс, вопреки всем правилам аристократического этикета, снова решил отыграть соло на литаврах.

— Что ж, — протянул я, чувствуя, как внутри разливается то самое, давно забытое чувство азарта, которое не купишь ни за какие шелковые жилеты. — Значит, кофе. И, пожалуйста, скажи своей сове, чтобы она перестала желать мне проклятий Гадеса. Кажется, сегодня ночью нам предстоит не спать.

Глава 3. Лавка «Утраченные вкусы»

Мастерская Тобиаса осталась позади, вместе с её параноидальным хозяином и совой, страдающей классическим образованием. Я шагнул по извилистым артериям Ночного рынка, прижимая ладонь к внутреннему карману, где стеклянный инкубатор продолжил свою тревожную, ритмичную пульсацию. Мне нужна была вторая, более ароматная и менее склонная к панике, экспертиза. Мне нужна была Корделия.

Лавка «Утраченные вкусы и забытые ароматы» пряталась в тупике, который существовал только по четным числам и при условии, что вы искренне верите в силу ароматерапии. Стоило мне толкнуть тяжелую дубовую дверь, увешанную колокольчиками из высушенных слез, как на меня обрушилась волна такой густой, многослойной сенсорики, что у меня на секунду закружилась голова.

Здесь пахло не просто травами. Здесь пахло самим временем. Прилавок из мореного дуба источал аромат корицы, озона и надвигающейся летней грозы — мое любимое сочетание, напоминающее о том дне, когда я впервые попытался украсть поцелуй и получил пощечину, пахнущую лавандой и справедливостью. Полки до потолка были уставлены сотнями пузатых баночек. В одной, с этикеткой «Первая влюбленность», плавали розовые лепестки, пахнущие мокрым асфальтом и мятой. В другой, темной и тяжелой, хранилась «Ностальгия по воскресным утрам», густая и вязкая, как остывающая патока.

— Если ты пришел снова купить флакон «Непринужденного шарма», Эшфорд, то вынуждена тебя разочаровать, — раздался голос из-за стеллажа с сушеными корнями. — Во-первых, он закончился. Во-вторых, на тебе он работает примерно так же эффективно, как зонтик из макарон.

Из

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.